
СВЕРХУБЛЮДКИ
Том 1
ТОП-10 СВЕРХЛЮДЕЙ
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
ВСЕМИРНАЯ ВЫСТАВКА СВЕРХЛЮДЕЙ
НОВАЯ ЭРА ЧЕЛОВЕКА
СВЕРХЛЮДИ СРЕДИ НАС!
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
ИГНИТОС

Игнитос Игнитос
Сверхублюдки. Том 1

https://litres.ru/74755818
SelfPub; 2026

Аннотация

В Москве после Чёрного солнца жизнь человека под завалом может зависеть от числа зрителей в прямом эфире. Внимание усиливает дар, поэтому герои Пантеона приезжают на аварии со съёмочной группой.

На складе техник Илья Игнатов видит, как Распад, один из самых известных героев Пантеона, калечит рабочего, а затем рушит опору. Рабочий погибает под балкой. По телевизору показывают спасение. Илье дают на подпись акт о поломке, и он отказывается. Вскоре Распад спрашивает, где живёт свидетель.

Три года Илью считали человеком без дара. Теперь он обнаруживает, что через вещи одарённых может увидеть их воспоминания и повторить их способности. Пока Илья учится пользоваться этой силой, он пытается выяснить, кто заблокировал выход со склада. След ведёт к старой аварии, в которой погиб его напарник. Под актом о той аварии стоит подпись самого Ильи.

Содержание

Глава 1. Чёрное солнце 4
Глава 2. Крышкой вниз 14
Глава 3. После сирены 25
Глава 4. Неподходящий дар 36
Глава 5. Нулевой 46
Глава 6. Пока держит 58
Конец ознакомительного фрагмента. 63

Игнитос
Сверхублюдки. Том 1

Глава 1. Чёрное солнце

18 октября 2027 года. Москва.

Илья Игнатов опаздывал на второй вызов и поэтому уже десять минут объяснял человеку по телефону, почему нельзя включать насос.

— Потому что я сейчас держу его провод, — сказал он. — Нет, не в переносном смысле.

За спиной сигналили. Фургон аварийной службы стоял вторым рядом, водитель соседней машины требовал освободить проезд. Илья прижал телефон плечом и затянул клемму. В открытом уличном шкафу пахло нагретым пластиком; внизу, под кабелями, лежал намокший рекламный листок с предложением счастливой семейной жизни в ипотеку.

— До моего звонка не трогай, — повторил Илья.

— Мне мастер сказал проверить.

— А я тебе сказал, что проверишь на мне.

Он отключился раньше, чем получилось бы наговорить лишнего, и сунул телефон в карман. На экран ещё успело прийти уведомление о списании. До зарплаты оставалось девять дней. На кофе он сегодня решил не тратиться.

Дверь пекарни рядом открылась. Мужчина в сером пальто выкатил ногой самокат, за ним выбрался мальчик с оранжевым пакетом. Мальчик прижимал пакет к груди так бережно, будто внутри лежало живое.

— Не на дорогу, Мить, — сказал мужчина.

— Я знаю.

Самокат немедленно поехал на дорогу. Отец поймал руль и, не меняя выражения лица, развернул его обратно. Илья усмехнулся. Мальчик заметил.

— Там торт, — сообщил он с достоинством.

— Тогда тем более не надо проверять тормоза об автобус.

Отец кивнул Илье, поставил самокат у остановки и полез в телефон. Мальчик начал загибать край пакета, чтобы ещё раз посмотреть на торт.

Через дорогу женщина поправляла шарф перед отражением в аптечном стекле. Курьер обгонял стоявшие машины. Водитель фургона курил под знаком, запрещавшим парковку, и притворялся, что не слышит ругани сзади. Дальше по улице подходил автобус.

Свет изменился.

Илья сначала подумал, что перегрел глаза над шкафом. Белая дверца стала серой, рука на её краю — чужой, с резко выделившимися костяшками. Он моргнул и поднял голову.

Над домами висело чёрное солнце.

Не луна перед солнцем. Не дым. Круг был на месте, но света внутри него больше не было; по краю оставался узкий

белый ободок, от которого больно резало глаза. Небо вокруг по-прежнему было голубым. Это сочетание почему-то пугало сильнее самой темноты.

— Охренеть, — сказал водитель фургона.

Включились фары. Кто-то засмеялся. У остановки мужчина поднял телефон, вытянул руку, затем опустил и посмотрел вверх ещё раз.

— На экране обычное, — произнёс он.

Илья тоже достал телефон. Он нажал запись. Камера показывала бледное пятно в облачной дымке. Над телефоном, в том же месте, висел чёрный круг.

Он опустил аппарат.

Водитель фургона попытался что-то сказать и не смог.

Сначала Илья увидел, как у него втянулись щёки. Потом услышал тонкий свист. Окурок полетел из пальцев. К мужчине потянуло пыль и обрывки бумаги; у самого тела они падали на асфальт, словно натыкались на стену. Куртка вдавилась в живот, щёки сжались ещё сильнее. Он открывал рот, но грудь почти не поднималась. Что-то теснило его со всех сторон.

— Дыши! — крикнул Илья и сам понял, какую чушь сказал.

Мужчина схватился за горло. Лежавшую у бордюра пластиковую бутылку подкатило к его ботинку. Она сплющилась, затрещала. Мужчина стоял над ней, зажатый тем же невидимым давлением.

Илья шагнул к нему — и ощутил удар в грудь.

Водитель разжал рот. Всё, что секунду назад стягивалось к нему, рванулось наружу. Илью швырнуло плечом в дверцу шкафа; стекло в фургоне разлетелось внутрь, хлопнули две витрины. Мужчина упал между колесом и бордюром. Из носа и ушей текла кровь. Куртка больше не двигалась.

Женщина у аптеки закрыла лицо руками. Из разбитой витрины осыпалось ещё несколько осколков, один ударился ей в сапог. Илья шагнул к дороге — и увидел автобус, который не мог остановиться.

Тот уже тормозил. Задние колёса визжали, передний правый угол просел почти до асфальта. За лобовым стеклом водитель навалился на руль. В салоне, возле передней двери, кто-то стоял неподвижно, тогда как остальных бросило вперёд.

Правая шина лопнула. Автобус качнулся, срезал зеркало фургона и пошёл вправо.

Илья успел бросить телефон и схватить мальчика за куртку.

Отец тоже держал его, с другой стороны. На мгновение они помешали друг другу, потянув ребёнка в разные стороны; отец отпустил первым. Отступил, споткнулся о самокат. Илья уже тащил мальчика за бетонный торец лестницы и не увидел, куда упал отец. Оранжевый пакет остался на тротуаре.

Автобус снёс знак остановки. Стеклянный павильон сло-

жился под ним, рама ударила в стену пекарни. Удар был таким, что Илья почувствовал его зубами.

Мальчик дёрнулся у него в руках.

— Папа!

Илья прижал его голову к себе. На волосы сыпались мелкие куски стекла.

Снова стало светло.

Он не сразу понял, почему видит яркий оранжевый цвет у колеса. Пакет был раздавлен, крем размазался по асфальту. Солнце висело над домами как всегда. Люди ещё смотрели вверх, словно ждали, что оно опять изменится и заодно вернёт всё на место.

— Папа там, — сказал мальчик.

Теперь тихо.

* * *

Илья отпустил его только тогда, когда увидел женщину из пекарни. Она стояла на ступеньке в белом фартуке; правую щёку рассекло стеклом.

— Заберите ребёнка.

Женщина смотрела на автобус.

— Заберите! Его отец там. Я пойду.

Она опомнилась, присела и протянула руки. Мальчик начал вырываться. Илье пришлось отцепить его пальцы от своей куртки по одному.

— Я найду, — сказал он.

Обещание вышло раньше, чем он успел понять, может ли

его выполнить.

Перед автобуса вошёл в стену чуть правее дверей. Кирпичная облицовка осыпалась; за ней виднелись целые бетонные колонны. Над разбитой витриной висел согнутый короб вывески, держался на одном креплении. Илья обошёл его по проезжей части.

Люди выбирались через заднюю дверь. У одной женщины обувь осталась в салоне, и она шла по стеклу в колготках. Мужчина нёс портфель, из которого торчала пластиковая папка, и всё пытался застегнуть замок. Никто не смотрел под ноги.

— От борта отойдите! — крикнул Илья. — Сзади место есть. Сзади!

Внутри кто-то бил по стеклу. Передняя дверь была смята, среднюю перекосило. Илья вернулся к фургону за ломом. Водитель лежал на боку с открытыми глазами. Илья остановился возле него, увидел кровь в ухе и в этот момент страшно захотел просто сесть рядом.

Тогда можно было бы не идти в автобус.

Он выдернул лом из крепления и пошёл.

В салон попал через заднюю площадку. Пахло пылью, резиной и мочой. Под ногами хрустело стекло; на поручне висел кусок женского рукава. Дальше, у середины, сидел на полу парень и прижимал к лицу обе руки. Кровь капала между пальцев на кроссовки.

— Можешь назад ползти?

Парень закивал слишком быстро.

— Там люди. Зови их. Не вставай пока.

У передней двери стояла девушка в синем пальто.

Точнее, стояла её верхняя половина. Ноги ушли сквозь проломленный пол; край отверстия впился в ткань возле коленей. Она держалась за горизонтальный поручень. Стальная труба медленно гнулась вниз под её ладонями, хотя сама девушка почти не шевелилась.

— Я не могу, — сказала она, увидев Илью. — Я не могу слезть.

Под левой ступнёй, внизу, асфальт был продавлен до светлого щебня. Девушка попыталась перенести вес — автобус качнулся к ней, и отверстие в полу стало шире.

Илья понял, почему просело колесо.

Он не понял, что с этим делать.

— Не двигайся. Держись пока.

— Мне больно.

Сзади появился мужчина в вязаной шапке. Огляделся, увидел девушку и сразу ухватил её под мышки.

— На счёт три.

— Подожди! — крикнул Илья.

Мужчина потянул. Девушка вскрикнула, плечи поднялись, остальное тело осталось внизу. Илья схватил его за руку.

— Видишь пол? Ты ей руки оторвёшь!

Мужчина отпустил, отшатнулся и с ужасом посмотрел на

свои ладони, как будто это они были виноваты.

— Что она…

— Не знаю. Назад. Выведи того парня.

Илья присел возле пролома. Девушка хватала воздух, губы стали мокрыми. Ручка её сумки тоже провалилась сквозь пол, но сама сумка лежала на уцелевшем сиденье. Илья осторожно вытянул ремень из-под её локтя. Сумка поднялась без усилия.

Девушка смотрела на поднятую сумку и вдруг заплакала.

— Почему она лёгкая? Я её держала. Почему меня нельзя?..

— Тише. На меня смотри. Как тебя зовут?

— Ася.

— Ася. Сейчас никто тебя не тянет. Я здесь.

Он слышал себя как чужого. В двадцати сантиметрах от его колена лопнул заклёпочный шов. Илья отполз, не успев удержаться. Девушка увидела это и вцепилась в поручень ещё сильнее.

— Не уходите.

— Я не ухожу.

Он соврал. Он уже собирался уходить. Только не знал, как потом выйти из автобуса мимо женщины, которой обещал найти отца мальчика.

Из-под переднего сиденья донёсся кашель.

Серое пальто.

Мужчина лежал поперёк прохода, зажатый между опро-

кинутым креслом и выгнутой стойкой двери. Когда автобус ударил в стену, его втянуло через разбитую переднюю створку вместе с рамой остановки. Нижняя часть рамы теперь лежала на нём. Правая рука была свободна и всё ещё сжимала телефон.

— Митя? — спросил он.

Илья подполз ближе.

— Снаружи. Целый. В пекарне.

Мужчина закрыл глаза. Губы у него дрогнули так, будто он хотел улыбнуться, но передумал от боли.

— Хорошо.

Илья просунул лом под раму. Сначала не понял, почему она не идёт; потом увидел, что другой её конец зажат в отверстии возле Асиной ноги. Поднимать требовалось не только железо.

Он попробовал ещё раз, изменив угол. Рама поднялась на палец. Мужчина вскрикнул, и Илья остановился.

Из-под пальто выступил обломанный конец металлической планки. Входил в грудь ниже ключицы. Крови снаружи было меньше, чем Илья ожидал. От этого стало ещё страшнее.

— Скорую вызвали? — спросил мужчина.

— Да.

Илья сам не вызывал. Телефон остался где-то у шкафа. Он надеялся, что вызвал кто-нибудь другой, и ненавидел себя за то, как легко сказал «да».

Он положил лом, стянул перчатку и нашёл свободную руку мужчины.

— Не шевелитесь. Мы сейчас.

— Андрей.

— Что?

— Меня Андрей.

— Меня Илья. Слышишь меня?

Андрей кивнул. Сзади кто-то сказал, что связь не проходит. Ася всхлипнула и попросила не бросать её. В автобусе сделалось жарко; на лбу у Андрея выступили мелкие капли пота.

Илья сжимал его руку, стараясь придумать следующий шаг.

За пределами разбитого салона начинала выть первая сирена.

Глава 2. Крышкой вниз

Андрей попросил убрать железку.

Илья посмотрел на торчащую из пальто планку и покачал головой.

— Нельзя. Сейчас врач будет.

— Долго?

Сирена приближалась, потом застряла где-то за перекрёстком. Каждый новый вой он принимал за признак приближения — и каждый раз ошибался.

— Едет.

Ася плакала уже без звука. Поручень опустился ей на грудь. Илья велел не держаться за него, но она не отпустила: всё, за что можно было ухватиться в прежнем мире, теперь сходилось для неё к этой погнутой трубе.

Илья повернулся к задней двери.

— Кто там есть? Нужен человек! Позвоните ещё раз!

В автобус заглянули. Женщина в чёрном пуховике подняла телефон.

— Сто двенадцать отвечает, на удержание поставили.

— Скажите: двое зажаты. Один с железом в груди. Девушка провалилась. И адрес!

Она начала говорить, торопливо, сбиваясь на объяснение про солнце.

— Адрес сначала, — сказал Илья.

Он не знал её имени. Потом будет помнить только тонкий белый шнурок, торчавший у неё из-под воротника, и то, как она прижимала палец к другому уху, пытаясь расслышать диспетчера.

Андрей сжал его руку.

— Он испугался?

— Митя? Нет. У него торт…

Илья замолчал.

— На завтра брали, — сказал Андрей. — Он ждать не захотел.

Каждое слово требовало маленького вдоха. Илья подложил ему под затылок свёрнутый шарф, снятый с пустого сиденья. Когда приподнимал голову, Андрей попытался помочь и сразу захлебнулся кашлем. На губах показалась кровь.

— Не надо помогать. Лежи.

Илья вдруг разозлился. На Андрея, на девушку, на телефон, на сирену. У него в машине были домкрат, ремни, инструмент — всё нужное для случая, когда нужно было поднять, открутить, обесточить. Здесь он держал человека за руку и ждал. Даже слова у него кончились, осталось одно тупое «сейчас».

Андрей повернул голову к передней двери. Оттуда был виден кусок тротуара. Мальчика там не было.

— Позовите…

— Он в пекарне. Сейчас не надо ему сюда.

Андрей хотел возразить. Приоткрыл рот, но получился только короткий влажный выдох.

Под пальцами Ильи дёрнулась тонкая жилка у запястья. Он переместил руку, поискал пульс. Край разбитого часового стекла царапнул кожу.

Илья оказался в чужой кухне.

Слишком близко стоял стол. Его собственных коленей под столешницей быть не могло: здесь колени упирались иначе, плечо тянуло старой болью. В ладони лежала деревянная машинка без колеса. От пальцев пахло клеем. Слева, возле солнечного прямоугольника на линолеуме, мальчик в трусах пытался одной ногой попасть в штанину. Тюбик с красной полосой стоял у края стола крышкой вверх.

— Мить, крышкой вниз поставь. Засохнет опять.

Голос вышел из его горла.

Он не говорил этих слов.

Рука потянулась к тюбику — и исчезла вместе со столом. В лицо ударил запах автобусной пыли. Илья сидел на стекле, держал чужое запястье. Андрей смотрел в переднюю дверь.

Не моргал.

Илья отдёрнул руку так резко, что ударился локтем о кресло.

— Эй.

Андрей не ответил.

— Андрей.

Илья снова схватил его, нащупал шею. Пальцы дрожали.

Он переставлял их, думая, что ищет не там.

— Помогите! Человек не дышит!

Женщина у двери передала это в телефон. Послушала, спросила, можно ли его положить ровно. Илья посмотрел на железо, зажавшее грудь, и не смог ответить сразу.

— Он прижат. Мы не можем вытащить.

Она повторила. Слушала долго. На улице что-то снова грохнуло.

Илья наклонился к Андрею, стал говорить ему в лицо всё, что приходило в голову. Про сына. Про сирену. Что нужно потерпеть ещё минуту. Положил ладонь на целую часть груди, попробовал надавить — и почувствовал, как торчащая планка шевельнулась в ткани.

Он остановился.

— Скажите, что делать! — крикнул женщине.

Та плакала, не убирая телефон.

* * *

Первым до автобуса добрался полицейский.

Влез через разбитое окно средней двери, оцарапав шею о край стекла. Его напарник остался на улице: там требовалось остановить людей, шедших через перекрёсток прямо между машинами. Полицейский был в фуражке, которую всё время поправлял, хотя она мешала.

Посмотрел на Андрея, проверил шею и глаза. Потом спросил, есть ли в салоне ещё живые.

— Есть, — ответила Ася.

Так тихо, что он сперва не услышал.

Илья поднялся. Колени разгибались плохо; на ладони выступила кровь из царапины от часов. Ему казалось, что Андрей обязательно вдохнёт, как только он отойдёт, и придётся объяснять, почему ушёл.

— Она тяжёлая, — сказал он полицейскому.

Тот посмотрел на девушку.

— Я вижу, что зажало.

— Не зажало. Она стала тяжёлой. Пол под ней провалился. Поднимать нельзя. Мы пробовали.

Полицейский молча присел у дыры. Внизу хрустнул щебень. Девушка дрогнула, и край пола согнулся ещё немного. Теперь он тоже увидел.

— Как вас зовут?

— Ася, — ответил за неё Илья.

— Ася, вы что делаете?

Девушка уставилась на него.

— Ничего.

Полицейский закрыл рот. Медленно снял фуражку, сунул под мышку и вызвал кого-то по рации.

Слова про автобус сменились словами про особенность. Потом он замолчал, слушая ответ. Илья стоял рядом и впервые заметил, что голос в рации дрожит тоже.

— Говорят, не трогать, — сказал полицейский.

— А мы что делаем?

— Я не вам. Мне сказали: самому не вытаскивать. Спаса-

тели идут.

Ася поняла только «не вытаскивать».

— Вы уйдёте?

— Нет, — сказал он. — Фуражку мне пока подержите.

Она не взяла. Посмотрела на его руку, потом на свою, вцепившуюся в трубу. Медленно разжала два пальца.

Илья почувствовал, как автобус чуть приподнялся.

— Подожди, — сказал он.

Они замерли все трое.

— Ты сейчас что сделала?

— Ничего!

Автобус снова скрипнул вниз.

Илья прикусил щёку. Нельзя было спрашивать так, будто она нарочно. Девушка едва дышала, а двое мужчин склонились над ней и требовали перестать быть тем, чем она стала минуту назад.

Он сел на соседнее кресло.

— Ася. Я сейчас буду сидеть. Вот здесь. Ты тоже пока ничего не делай.

— Я и так…

— Знаю. Ты всё правильно услышала. Это я неправильно сказал.

Он смотрел ей в лицо, стараясь не видеть за её плечом Андрея.

Полицейский убрал рацию подальше от уха девушки. У задней двери появился мужчина в шапке, тот, что пытался её

поднять. Принёс бутылку воды и теперь не решался войти. Илья поманил его.

— Посиди с нами.

— Я не хотел ей…

— Я знаю. Садись.

Они втроём сидели вокруг девушки в проломленном полу. Со стороны это, наверное, выглядело чудовищно нелепо. Илья хотел бы рассмеяться, но боялся, что не остановится.

С каждым Асиным выдохом край пола едва заметно поднимался. Не всегда. Иногда снова уходил вниз. Илья перестал называть это вслух.

* * *

Спасатели пришли пешком, неся инструмент из машины, которую не смогли протащить через перекрёсток.

Один осмотрел Андрея. Другой долго смотрел в отверстие под Асей. Ни один не сказал, что такое уже видел.

Илье велели выйти. Он подчинился не сразу, потому что Ася держала его за рукав. Когда разжала руку, на ткани остались четыре тёмных полумесяца.

На тротуаре мальчик увидел его и побежал навстречу.

Женщина из пекарни догнала у самой ступеньки.

— Где папа?

Илья смотрел на детское лицо. В кухне, которой он никогда не видел, это лицо было моложе. Возле его ног лежал прямоугольник света. Тюбик клея стоял крышкой вверх, и это почему-то представлялось сейчас невыносимым: такая

маленькая поправимая вещь.

— Там врачи, — сказал он.

Полицейский стоял у автобуса. Смотрел на Илью.

— Где папа? — повторил мальчик.

Женщина повернула его к себе.

— Митенька, пойдём. Мама уже едет. Мы ей позвонили с папиного телефона.

Она забрала мальчика, прежде чем Илье пришлось ещё раз солгать.

Он нашёл свой телефон у шкафа. Экран треснул, но работал. Запись всё ещё продолжалась: сначала голубой участок между проводами, потом асфальт, ботинки и оранжевый пакет. Солнце на записи было обычным.

Илья выключил камеру. Вызвал мастера.

— У нас авария, — сказал он, когда мастер ответил. — Автобус. Тут люди… Я второй вызов не возьму.

— Ты где?

Он назвал улицу.

— Живой?

— Да.

— В машину не садись. Денис к тебе идёт, он рядом на объекте. Шкаф закрыл?

Илья оглянулся.

Дверца оставалась распахнутой. Из пекарни по тротуару текла вода: при ударе порвало подводку, и струя уже дошла до основания шкафа. Он бросился назад, поскользнул-

ся, ударился коленом, поднялся и отключил ввод.

Только потом закрыл дверь.

Руки наконец затряслись по-настоящему.

* * *

Денис Котов пришёл с грязным бинтом на лбу и пакетом из супермаркета.

— Я не знаю, что нужно, — сказал он. — Воды взял. И эти, для рук.

В пакете лежали бутылки и влажные салфетки с улыбающимся младенцем на упаковке. Денис посмотрел на неё, выругался и спрятал под воду.

— Тебя задело?

— Нет. Это не моя кровь.

— Твоей тоже хватает. Колено посмотри.

Илья сел на ступеньку. Денис опустился рядом, вытянул ноги. Несколько секунд оба смотрели на автобус. Из него вынимали людей, которых сразу закрывали простынями. Когда одного накрывали, край простыни зацепился за торчащую стойку; спасатель расправил его двумя пальцами. Осторожно, будто можно было сделать больно.

— Ты тоже видел? — спросил Илья.

Денис поднял голову к солнцу.

— Все видели.

— Не это.

Он хотел рассказать про кухню. Уже открыл рот и вдруг представил, как Денис встанет, позовёт медика и скажет: мой

тут не в себе, с мёртвыми разговаривает. Придётся ещё кому-то объяснять, что Андрей был чужим человеком и он не мог помнить его сына в трусах.

— Там девушка провалилась сквозь пол, — сказал Илья.

Денис кивнул.

— У нас охранник остановил рукой ворота. Створка на него ехала. Он её взял — и сломал. Просто отломил кусок.

— Руку?

— Ворота. Рука целая. Потом себе челюсть сломал, когда лицо потёр.

Илья повернулся к нему.

Денис не улыбался.

Из автобуса закричали, и оба вскочили.

Девушку в синем пальто опускали на широкую деревянную площадку. Под автобусом уже лежали подкладки, часть пола вырезали вместе с погнутой трубой. Ася лежала на боку, плакала и пыталась закрыть руками лицо. Когда площадка коснулась земли, дерево треснуло, но выдержало. Спасатель приказал никому не поднимать её без команды.

Илья шагнул к ней. Ася увидела, узнала и перестала закрывать лицо.

Он показал большой палец.

У неё получилось кивнуть.

Илья вернулся к ступеньке. Денис дал ему воду. На вопрос, что было с тем человеком внутри, Илья ответил:

— Умер.

Он успел сказать это раньше, чем придумал, чем ещё прикрыть.

Глава 3. После сирены

К полудню улицу перегородили двумя машинами.

Между ними пропускали пеших. Автобусы разворачивали до перекрёстка, легковым велели сдавать назад; водители спорили, пока не видели разбитую остановку. Тогда начинали спрашивать, можно ли проехать по тротуару.

Денис нашёл в фургоне сигнальную ленту. Они натянули её вокруг мокрого места у электрического шкафа, оставив проход со стороны стены. Ввод Илья отключил, но проверить второй кабель, уходивший под землю, сейчас было некому.

— Люди же видят воду, — сказал прохожий, которому пришлось обходить.

— Видят, — согласился Денис. — И ленту видят. И меня. Три предупреждения. Пользуйтесь любым.

Прохожий пошёл в обход, раздражённо вскинув руки.

На низком металлическом козырьке над аптечным входом шевелился мужчина.

Илья заметил его не сразу. До этого думал, что возле вывески торчит оборванный кусок рекламы. Мужчина был в клетчатой рубашке, босой. Он распластался на металлическом козырьке и не двигал руками; при каждом порыве ветра ноги у него отрывались от крыши.

— Как он туда залез? — спросил Денис.

Мужчина услышал и поднял голову.

— Меня сдуло!

Он сказал это сердито, будто ему уже несколько раз не поверили.

Ветер подхватил край рубашки. Тело приподнялось вслед за тканью. Мужчина ударился грудью о вывеску, судорожно сжал её ободок и завизжал.

Денис посмотрел на Илью.

— Ремень есть.

— До него не достанет.

— У тебя тоже есть.

Они связали две грузовые стропы. Денис принёс из фургона лопату. Илья поднял конец стропы на её черенке; мужчина поймал его со второй попытки, обмотал вокруг запястья и сразу начал карабкаться вниз. Илья едва удержался на ногах.

— Стой! — крикнул он. — Не прыгай! Я тебя ещё не закрепил!

Мужчина застыл, плача от страха и злости. Денис обвёл другой конец вокруг основания дорожного знака. Пока затягивал, ругался без пауз. К ним подбежал полицейский и приказал отойти от фасада.

— Вон он! — Денис показал вверх. — Нам бы лестницу, начальник!

Полицейский задрал голову.

Мужчина на крыше сорвался.

Он не упал. Его повело вбок и вверх, как пустой пакет.

Стропа натянулась, ударила о край вывески и удержала над тротуаром. Рубашка задралась, открыв белый живот. Он молотил ногами воздух и кричал, что сейчас умрёт.

Илья поймал его за щиколотку. Денис помог притянуть к стене. Втроём, вместе с полицейским, они опустили его на землю и усадили спиной к знаку, не отвязывая ремень.

Мужчина был взрослым, с седой щетиной, и никак не мог перестать плакать.

— Ботинки, — повторял он. — Они на балконе. Я только вышел посмотреть.

Илья принёс из фургона рабочие перчатки и складной нож. Разрезал манжеты, распластал перчатки под босыми ступнями мужчины и примотал остатком мягкой ленты. Пальцы болтались по бокам. Другой обуви не было.

Денис отвернулся и закрыл лицо локтем. Плечи у него затряслись.

— Ты чего?

— Ничего.

Он смеялся. Не мог остановиться и злился на себя за это.

Мужчина посмотрел на перчатки на ногах, потом на Дениса. Сам коротко хрюкнул. И сразу снова заплакал.

* * *

Через полчаса фасад аптеки рухнул.

К тому времени мужчину уже забрали спасатели. Илья стоял в двадцати шагах от здания и сначала решил, что рушится одна вывеска.

Из аптечной двери выбежала женщина. За ней вылетел стеклянный прилавок — целиком, вместе с ящиками и кассовым аппаратом. Ударился о припаркованную машину, сминая крышу.

В проёме появился человек в коричневой куртке.

Он поднял руки перед лицом. Между его ладонями была видна комната: стойка, стеллаж, часть стены. Пространство дрожало, как над раскалённым асфальтом, но на улице было холодно. Человек отступил, резко свёл локти — и стеллаж дёрнулся вперёд.

Он прошёл сквозь дверной проём, не поместившись в нём.

Кирпичи вырвало вместе с металлической дверной коробкой. За ними треснула узкая простеночная опора под окнами второго этажа. Оконная рама перекосилась; женщина наверху успела отскочить от стекла.

— От дома! — закричал полицейский.

Человек в куртке тоже побежал. В отчаянной попытке удержать равновесие взмахнул обеими руками. Изломанная стена качнулась вслед за движением, вывернулась наружу и обрушилась на тротуар.

Илья рванул Дениса за спину фургона. Кирпичи ударили в борт. Один прокатился под машиной и остановился возле Ильиной ноги.

В осевшем облаке пыли человек в куртке лежал на коленях. Обеими руками держал себя за затылок и кричал, чтобы

к нему не подходили.

Над входом зияла дыра в двух этажах. Боковая стена устояла, но край перекрытия остался без опоры и продолжал крошиться. В глубине комнаты на втором этаже был виден стол с раскрытым ноутбуком. Привычная маленькая жизнь стояла на самом краю.

Изнутри кто-то звал на помощь.

Илья сделал шаг из-за фургона. Денис удержал его за ремень.

— Куда?

— Там…

— Вижу. Сам видишь, на чём стоит?

Илья видел.

Они дождались спасателя с рацией и показали окно. Самим велели отогнать людей от фасада. Это было почти оскорбительно после того, что хотелось сделать, — и оказалось трудно: люди подходили смотреть, звали родственников, поднимали телефоны. Один мужчина потребовал вернуть ему машину из-под прилавка. Илья посмотрел на торчавший через крышу стальной угол, потом на владельца.

— Она никуда не уедет.

Мужчина открыл рот, закрыл. Только теперь разглядел.

Сотрудник аптеки, которого вытащили из-под упавшей полки, лежал у соседнего подъезда. В пальцах он держал ключи от кассы. Кисть была переломана, ключи не отпускал. Повторял, что никому не отказывал, просто терминал пере-

стал работать.

Человек в коричневой куртке зажмурился и кричал:

— Я дверь открыть хотел!

Никто не отвечал. Всем требовалось разобраться с тем, что он уже открыл.

* * *

Около двух заработал пункт помощи в школе.

Калитку сняли с петель, чтобы проходили носилки. В вестибюле поставили столы; на одном регистрировали тех, кто мог назвать себя, на другом разрезали одежду. Под расписанием занятий сидела женщина с обожжённой половиной лица и держала на коленях чистый белый шарф.

Илья принёс четыре бутылки воды и не смог понять, кому их отдать. Все казались занятыми более важным.

— Сюда, — сказала девочка-подросток в спортивной форме.

У неё были резиновые перчатки не по размеру. Она выстроила бутылки вдоль стены, надписала на картонке «ПИТЬЕВАЯ» и сразу спросила, не принесёт ли он ещё.

Денис ушёл искать их мастера, который застрял с другой бригадой. Илья остался у школы. Помог занести стол, закрепил удлинитель вдоль стены, потом поймал себя на том, что прячется в знакомую работу, чтобы ещё немного не думать об автобусе.

Мать Мити сидела возле раздевалки.

Мальчик спал, положив голову ей на колени. Она гладила

его по волосам и держала в другой руке телефон. На экране был Андрей: не фотография из документов, обычный снимок с моря, на котором он щурился от солнца.

Илья хотел пройти мимо. Женщина подняла глаза.

— Это вы его вытащили?

Он понял, что она про мальчика, и кивнул.

— Спасибо.

Он сел на свободный край скамьи. Она ждала, что он скажет дальше.

— Я был с Андреем.

Рука на детских волосах остановилась.

Илья рассказал, что тот спрашивал о сыне. Что ему ответили: Митя цел. Больше ничего полезного он не мог ей дать. Женщина слушала, не глядя на него. Затем спросила, сильно ли Андрей мучился.

— Я не знаю, — ответил Илья.

Она отвернулась.

Он уже поднялся, когда Митя открыл глаза.

— Крышкой вниз, — пробормотал Илья.

Сам не понял, зачем сказал.

Мальчик сонно посмотрел на него.

— Что?

— Ничего. Прости.

— Клей? — спросил Митя. — Я поставил.

Мать повернулась к Илье.

Он не смог больше оставаться на скамье.

Вышел в коридор, добрался до туалета и заперся в кабинке. Его вырвало водой. Потом долго выворачивало впустую. На двери перед глазами кто-то выцарапал слово «ЛОХ»; Илья смотрел на него, пока буквы не перестали расплываться.

* * *

На школьном дворе задерживали мужчину в дорогом спортивном костюме.

Он приехал на машине, требовал пропустить его к врачам без очереди, а когда ему отказали, схватил охранника за руку. Теперь охранник стоял на коленях возле ограды. Его ладонь прилипла к пруту — не одежда, сама кожа. Он пытался оторваться, оставил на металле кровь и перестал.

Мужчина в спортивном костюме показывал всем пустые ладони.

— Я его не держу. Видите? Сам стоит.

Два человека помогали охраннику не висеть на повреждённой руке. Третий просил мужчину отпустить его. Тот неожиданно улыбнулся.

— Сначала машину пропустите.

Илья остановился у дверей. Спустился на одну ступеньку и больше не пошёл. С утра он уже видел достаточно вещей, за которые нельзя было хвататься.

Мужчина наклонился к охраннику, коснулся запястья, и рука отделилась от ограды. Охранник повалился на бок. Человек в спортивном костюме поймал за плечо женщину, ко-

торая стояла ближе всех, и прижал её щёку к металлическому столбу.

— Вот. Работает, — сказал он.

Женщина вскрикнула. Попыталась повернуть голову — кожа натянулась. Мужчина отступил и, не скрывая восторга, посмотрел на собственную ладонь.

Старший сержант, тот, что помогал у аптеки, вышел из калитки с пистолетом.

— Руки вверх. От женщины отойти.

— Ты мне тут не…

— Руки. Вверх.

Мужчина перестал улыбаться. Посмотрел на пистолет, потом на сержанта. Ему, кажется, пришла в голову новая мысль: он уже мог сделать с человеком что-то невозможное, но не знал, что пуля сделает с ним.

Он поднял руки.

Сержант велел освободить женщину. Не подошёл сам, не позволил подойти другим. Говорил коротко; в промежутках был слышен плач у столба.

— Медленно. Одной рукой. Остальные назад.

Мужчина медленно коснулся пальцами её шеи. Щека отделилась от металла. Женщину увели, прижимая к щеке мокрую ткань. На столбе осталось немного кожи.

— Я же отпустил, — сказал мужчина, когда ему приказали лечь. — Вы всё видели, я сам отпустил.

Сержант держал его под прицелом. Напарник не решал-

ся надеть наручники: требовалось подойти к рукам, которые никто не хотел трогать. Они переглянулись. Вокруг начинали собираться люди, кто-то уже предлагал лопату.

Илья поднял найденный у стены стул и поставил поперёк ступенек.

— Вход в школу, — сказал он. — Проходим. Не толпимся.

Люди не слушали.

Он повторил громче.

* * *

К вечеру появились военные машины.

Одна осталась у перекрёстка, две ушли дальше, к дыму над крышами. Солдаты на открытых бортах смотрели на людей так же внимательно, как люди на них. У одного из водителей правая рука была перевязана поверх рукава; руль он держал левой.

В школе устроили место для первичного осмотра. Илью отвели туда после того, как он второй раз ответил на вопрос про адрес словами про чужую кухню.

Врач спросила, ударялся ли он головой.

— Плечом. О шкаф.

— Сознание теряли?

— Нет. Не знаю.

Она перестала писать.

Илья рассказал про Андрея. Про стол, машинку, клей. Постарался не пропустить ни слова и всё равно получил рассказ, который сам не хотел бы слушать от постороннего.

— Это могло быть раньше? По телевизору, в интернете?

— Я никогда у него не был.

— Я поняла. Боли в голове сейчас есть?

Она не назвала его ни сумасшедшим, ни чудом. Проверила зрачки, задала ещё несколько вопросов и позвала коллегу. От этого стало чуть легче и гораздо страшнее.

Илье дали бумажный браслет. На нём от руки написали фамилию, дату и время. В углу поставили вопросительный знак.

Он попробовал стереть его большим пальцем.

Чернила уже высохли.

Глава 4. Неподходящий дар

За несколько минут до того, как почернело солнце, Юля Кизина спорила с организатором о моркови.

— Морковь не выйдет, — сказала она. — У моркови температура.

— Тогда переоденься.

— Я горошек. По вашему же сценарию горошек ищет морковь. Кто её будет искать, если я переоденусь?

Организатор посмотрел на лист, потом на детей, собравшихся у сцены, и принял решение, которым считал проблему исчерпанной:

— Найди себя.

Юля выждала секунду.

— Это уже другой бюджет.

Он не понял шутки. Возможно, решил, что она действительно просит доплату, и сразу отошёл отвечать на звонок.

Внутри зелёного поролонового стручка было жарко, снаружи мёрзли руки. Открытая площадка между домами продувалась насквозь. Шарики на стойках рвались к улице, родители прятали подбородки в шарфы, дети собирались возле стола с соком. День был будний, поэтому на праздник привели две группы из соседнего детского центра, а остальные просто вышли из подъездов: бесплатные шарики всегда побеждали дурную погоду.

Юля налила сок мальчику в шапке с глазами динозавра. Чуть пролила на большой палец, вытерла о салфетку и протянула стакан. Следующий ребёнок потребовал столько же, хотя ему ещё ничего не налили.

На крыше над ними щёлкнуло освещение.

Все головы повернулись одновременно.

Юля увидела чёрный круг и почувствовала, как холод с улицы наконец добрался внутрь костюма. Организатор опустил телефон. Из динамика продолжала играть песенка про дружбу. Юля, всё ещё глядя вверх, машинально налила следующий стакан. Ладонь на кувшине дрожала.

Потом рядом с Юлей сказали:

— Вы что детям наливаете?

Она повернулась.

У женщины в руке был стакан с пеной.

— Яблочный сок.

— Сами понюхайте.

Юля понюхала. Потом посмотрела на кувшин. Сок в нём светлел от стенки к середине; тонкие струйки пузырьков поднимались со дна. У большого пальца, прижатого к мокрому краю, образовалась шапочка пены.

— Не пейте, — сказала она.

Женщина уже открыла рот для следующего обвинения.

— Все поставили стаканы! — крикнула Юля. — Сейчас. На стол.

Родители подняли шум. Юля отбирала стаканы, искала

взглядом организатора, пыталась вспомнить, откуда взяли кувшин и кто его мыл. Из-за спины донёсся протяжный металлический скрежет.

Она обернулась.

Крепления надувной арки вырвало из земли. Саму арку не несло ветром: она сжималась, выдавливая воздух через швы. Возле её левой ноги стоял маленький мальчик, зажав уши. Под ногами у него сминались пластиковые стаканы, лежавшие на асфальте. Скамейка в двух шагах скрипнула. Её деревянные планки согнулись к одному месту, будто кто-то стягивал их ремнём.

Мать попыталась обнять сына. Её сумку рвануло к его коленям, ремешок натянулся на шее.

Юля поставила кувшин в середину стола и рванулась к мальчику.

Поролоновый стручок зацепился за угол стола. Она выругалась, разорвала застёжку и вылезла из костюма, оставив его стоять между чашками. До мальчика было несколько шагов. Женщина уже сидела на корточках, прижимая сына к себе, но отодвинуть его не могла: сумку притянуло к скамейке, ремень держал её за шею.

Юля выхватила со стола ножницы для упаковочной ленты. Подбежала сбоку. Рука потянулась к ребёнку сама — и тут же ушла вниз, к сумке. Ножницы стукнули о металлическую застёжку.

Она отдёрнула их, пока ещё могла.

— Отпустите сумку!

— Он не…

— Ремень снимите с головы! Я держу!

Юля не стала ещё раз совать металл к мальчику. Поддержала женщину за спину, помогла нагнуться. Ремешок прошёл через подбородок, содрал кожу под ухом и соскочил. Сумка ударилась о скамейку с таким звуком, будто в ней лежал камень.

Мать подхватила ребёнка.

Скамейка поехала за ними.

— Поставьте его, — сказала Юля. — На землю. Здесь. Только от дерева подальше.

Женщина смотрела на неё с ненавистью.

— Я его не оставлю!

— И я не оставлю. Сядем с ним. Но не под лавкой.

Втроём они отодвинулись на свободное место. За ними протащило сумку, ключи, поднос со стола. Тяжёлую скамейку удержало основание стойки, и она остановилась.

У мальчика были закрыты глаза. Мать говорила ему в волосы, быстро и невнятно. Юля отодвинула ногой упавшие ножницы и вдруг заметила, что стала видеть цвет её куртки ярче.

Солнце вернулось.

Песенка про дружбу всё ещё играла.

* * *

Мальчик перестал притягивать вещи, когда устал плакать.

Никто не понял сразу. Мать протянула руку за салфеткой, и та не полетела к ним. Юля подняла ключ со стола, осторожно поднесла ближе. Ключ остался на ладони.

Она положила его обратно.

— Пока сидим, — сказала матери. — Пусть врачи придут.

— Я сама отвезу.

С противоположной стороны дома раздался удар, затем ещё один. Все посмотрели туда. Над крышей поднялась пыль.

Женщина прижала сына сильнее и осталась сидеть.

Организатор наконец отключил музыку. По телефону ему говорили сразу несколько человек. Он объяснял, что здесь только испорчен реквизит и, кажется, никто серьёзно не пострадал, — в эту минуту Юля увидела Риту.

Та вышла из служебного помещения без костюма моркови. Вместо рукава на левом плече была мокрая тряпка. Пока на площадке собирались вещи, внутри сорвало со стены зеркало. Рита успела закрыть лицо, и осколок вошёл выше локтя.

— Ну вот, — сказала она. — Всё-таки вышла.

Юля подвела её к стулу.

— Сядь. Не трогай рукой.

— Там ещё чехлы. Нам потом за них…

— Пусть сами забирают свои чехлы.

Организатор услышал. Хотел что-то сказать и посмотрел на тряпку, которая уже пропиталась насквозь.

Он позвонил ещё раз.

* * *

В нескольких стаканах оказалось пиво. В том, который Юля налила мальчику в шапке динозавра ещё до темноты, оставался сок. Во втором кувшине — тоже сок. Юля собрала всё, не пытаясь угадать по цвету, где ещё можно пить.

Разницу заметила та самая мать, которая первой сказала про пену. Она поставила обе ёмкости рядом, указала на них организатору и потребовала объяснить. Он сказал, что у них закупки по документам. Женщина в ответ показала стакан, будто именно его и требовалось приложить к документам.

Юля взяла второй кувшин.

Хотела убедиться, что тот нормальный. Наклонила, коснулась влажного края пальцем — и почувствовала странное облегчение. Словно наконец вспомнила движение, которое давно знала, но только сейчас сумела сделать. Жидкость у пальца посветлела.

Она резко поставила кувшин.

Пятно остановилось.

Все молчали.

Юля снова коснулась сока, на этот раз прямо, кончиком пальца. Светлая полоса поползла дальше. Пахнуло солодом.

— Это ты, — сказал организатор.

Юля вытерла руку. Потом ещё раз, хотя палец уже был сухим.

Женщина отодвинула от неё ребёнка.

Рита сидела рядом с прижатой к плечу салфеткой и смотрела в стакан.

— Вот мне бы хотя бы обезболивающее, — сказала она.

Юля рассмеялась. Сразу перестала.

— Прости.

— За что? Я ж не тебе заказ делала.

Организатор вынул телефон.

— Можешь ещё раз?

Рита медленно повернула к нему голову.

— Можешь ты скорую ещё раз?

* * *

Через час на площадку принесли двух раненых из соседнего двора.

У одного под штаниной не было формы колена. Второй держал ладонью рассечённый бок, и кровь шла даже сквозь прижатую ткань. Юля освободила стол от стаканов, но прибывшая с ними женщина, представившаяся врачом, велела не поднимать людей лишний раз.

— Вода есть?

Юля посмотрела на кувшин и почувствовала, что сейчас расплачется.

— Есть. Не здесь. Я принесу закрытую.

Она сбегала в помещение, где переодевались. Нашла упаковку воды. Несла её за пластиковую плёнку, боялась взяться за горлышки. Врач забрала бутылки, разорвала упаковку. Рите вместо промокшей тряпки наложили нормальную по-

вязку, потом Юля помогала подносить нужное к двум лежащим мужчинам.

Юля хотела предупредить про свою руку. Потом увидела, что вода в бутылке остаётся прозрачной. Она не касалась самой жидкости. Эти бутылки не менялись. Она донесла следующие уже увереннее.

Следующие два часа она носила воду, звонила по номерам, написанным на детских рюкзаках, разыскивала родителей, просила не перекрывать двор машинами. Один отец приехал с ножом. Кричал, что заберёт сына у любого, кто попробует удержать. Сын вышел из-за стола, увидел нож и заплакал. Отец спрятал его так быстро, будто обжёгся.

Юля не спросила, зачем принёс.

Когда мать мальчика, притягивавшего вещи, села рядом с врачом, Юля отступила к стене и наконец нашла минуту проверить телефон.

На экране было двадцать шесть пропущенных.

Она первой перезвонила матери. Та ответила сразу и некоторое время только дышала в трубку.

— Мам, я жива.

— У вас тоже было?

— Было.

— А с тобой что?

Юля посмотрела на руку.

— Не знаю пока.

Она не смогла сказать матери, что после всего, что про-

изошло с миром, единственным её чудом оказалось тёплое пиво.

* * *

Под вечер Юля осталась с Ритой у машины скорой помощи.

Раненых из соседнего двора уже увезли. Риту осмотрели, обработали рану и теперь искали, где её примут на дальнейшее обследование. Она мёрзла в тонкой кофте; Юля завернула ей плечи в зелёный костюм.

— Не того овоща, — сказала Рита.

— Пересортица. Сегодня допускается.

Они сидели на сложенном мате. Организатор прислал Юле ролик. Пятнадцать секунд: она держит кувшин, сок меняет цвет, за кадром кто-то говорит «это ты». Ничего из того, что происходило до и после, в ролик не вошло.

Внизу уже появились комментарии. Про женщину, которая спаивает детей. Про лучший конец света. Про то, что государству осталось ввести налог на руки.

Юля написала организатору: «Удали. Дети не пили. Я у всех забрала».

Он ответил голосовым сообщением. Сказал, что запись уже разошлась и надо не нервничать, а подумать. Сейчас многим понадобятся выступления: люди боятся, им нужно показать, что бывают и безопасные способности. Ничего плохого он ей не предлагает.

Рита слушала вместе с ней.

— Ему реквизит сегодня кто-то ещё должен? — спросила она.

Юля проверила платёж. Второй части гонорара не было.

Написала: «Сначала оплати сегодня».

Три точки появились сразу, исчезли, появились снова.

Юля выключила экран.

У машины санитар попросил подать бутылку. Она встала, взяла её за сухое горлышко и принесла. Никакой пены в воде не появилось.

На улице темнело. Солнца больше не было видно за домами, но люди всё равно поглядывали в ту сторону.

Глава 5. Нулевой

В больницу Илью привезли в девятом часу вечера.

Он мог идти сам и поэтому всё время оказывался в конце очереди. Два раза его просили пересесть, один раз — помочь передвинуть каталку. На ней лежала женщина с полностью седыми волосами и молодым лицом. Её муж убеждал врача, что утром волосы были чёрными. Врач слушал, проверяя пульс.

Из кабинета напротив вышел мальчик лет шестнадцати. За ним — отец с пустым рукавом. Юноша повторял: «Я не специально». Отец держал его за затылок оставшейся рукой и кивал. Илья отвёл глаза.

На экране под потолком показывали небо. Обычное октябрьское небо, снятое с разных точек. Внизу бежала строка: очевидцы сообщают о кратковременном изменении солнечного диска. Следом просили не повторять увиденные в сети действия и при необычных ощущениях обращаться за помощью.

Телефон Ильи завибрировал. Денис прислал сообщение: «Отпишись, как выпустят».

Илья начал набирать ответ и увидел, что пишет про клей.

Стёр.

* * *

Врач в кабинете была старше той, что осматривала его в

школе. На белом халате возле кармана темнело пятно. Она положила перед собой направление, попросила паспорт и обратилась к нему по имени-отчеству. Илье стало неловко, как будто его вызвали отвечать за что-то.

— Расскажите по порядку. Только то, что было с вами.

Он начал с автобуса. На имени Андрея сбился. Врач подвинула к нему воду и подождала.

Когда дошёл до кухни, она спросила:

— Вы смотрели со стороны или были там сами?

Илья попытался подобрать слова.

— Я был на его месте. Но я не он. Я понимаю, что это…

— Я спрашиваю об ощущении. Вам не нужно сейчас его объяснять.

— Руки были не мои. И голос. А я всё равно знал, что я — это я.

— Сколько длилось?

— Несколько секунд. Может, три. Может, пять.

— После этого знали о человеке что-нибудь ещё?

Илья покачал головой.

— Он сам сказал, как его зовут. И про сына я знал. Я их перед аварией видел. А вот дом…

— Адрес?

— Нет. Только стол. И линолеум. Я бы даже дом снаружи не узнал.

Она записала. Переспросила про фразу, которую повторил ребёнок. Илья почувствовал облегчение от того, что кто-

то считает это частью рассказа, а не поводом спорить с ним.

Потом врач попросила поднять руки, проследить за фонариком, повторить несколько слов. Осмотрела колено. Сказала, что рану надо обработать, а про остальное она пока ничего достоверного ему не скажет.

— Это болезнь?

— Мы сегодня видим вещи, для которых у нас ещё нет названий. Травмы и болезни при этом никуда не делись. Их я должна проверить прежде всего.

— А если повторится?

Она оторвала от блокнота лист.

— Записывайте сразу. Время, что делали, к кому или к чему прикасались. Не пытайтесь вызывать специально возле тяжелораненых. И сами за руль сегодня не садитесь.

Илья взял лист.

Врач заметила кровь на большом пальце, наклонилась посмотреть царапину. Когда коснулась запястья, он невольно приготовился.

Ничего не произошло.

* * *

В соседней комнате ему прикрепили к голове электроды.

Лаборантка дважды меняла один провод и сердито смотрела на экран. Илья спросил, не мешает ли телефон. Она велела выключить на всякий случай, затем попросила закрыть глаза.

Он увидел кухню.

Не оказался в ней снова — вспомнил, как она выглядела. Попытался повернуть взгляд к окну и обнаружил, что поворачивать нечего: окна в том коротком обрывке не было. Был только свет от него. За краем воспоминания ничего не продолжалось.

Илья открыл глаза.

— Не спешите, — сказала лаборантка. — Ещё несколько минут.

Через стекло были видны два человека. Один держал их записи, другой слушал, не снимая куртки. Илья не расслышал разговора. Уловил только отдельные слова: «снова», «на другом канале», «сохраните полностью».

Его попросили повторить несколько простых движений. Потом просто полежать. Никакой новой кухни не появилось. Чужие слова не пришли.

Илья посмотрел на браслет с вопросительным знаком.

— Я могу домой?

Лаборантка проверила время.

— Сейчас врача позову.

* * *

В коридоре ждали шестеро.

Одного мужчину посадили отдельно, подальше от розеток: возле него загорались отключённые приборы. Он пытался пошутить про бесплатное электричество, но жена не смеялась. У неё на пальцах оставался след ожога от зарядного устройства.

Женщина у окна держала обе руки в тазу. Вода постепенно поднималась к краю. Медсестра сливала её в ведро и меняла таз, не удивляясь уже ничему.

Илья сел в середине ряда и почувствовал себя человеком, который занял чужое место. У остальных происходило что-то видимое. Из него не выходила вода. Он не светился, не поднимал железо, не мог заставить себя вспомнить хоть что-нибудь новое об Андрее. Только несколько секунд, которые теперь не удавалось забыть.

Врач вернулась почти в полночь.

— Остаться на наблюдение можете?

— У вас же мест нет.

— Я спросила, можете ли вы.

Он посмотрел на людей в коридоре.

— Могу.

Место нашлось на кушетке в кабинете, где пахло клеёнкой. Илья лёг, не разуваясь. Телефон включил только для того, чтобы сообщить Денису адрес.

В новостях говорили о происшествиях в других городах, потом в других странах. Слова «единичные случаи» исчезли из сообщений. Появились карты. На них было слишком много отметок, чтобы понять, где именно живут люди, которых ты знаешь.

На одном ролике мужчина в рубашке стоял под наклонившейся бетонной плитой. Плита не касалась его рук. Из-под неё выносили носилки. Снимавший всё время опускал теле-

фон, чтобы помогать, и поднимал снова. Лица мужчины толком видно не было.

Илья выключил звук.

Ему хотелось, чтобы тот пришёл на их улицу часов на двенадцать раньше.

* * *

Утром ему дали выписку и назначение прийти снова.

Бумаги с приборами обещали оформить позже. Врач объяснила, что данные требуют проверки, а разговора про кухню недостаточно для какого-либо вывода. Илья спросил, значит ли это, что ему всё показалось.

— Это значит ровно то, что я сказала.

Он вышел к больничным воротам. Там продавали кофе, и возле стойки стояла очередь. Продавец не принимал оплату телефоном: связь пропадала. Люди искали наличные, ругались, одалживали друг другу. Илью почему-то почти успокоил этот разговор.

Денис ждал на скамейке.

— Ну?

— Пока ничего.

— Колено хотя бы зашили?

— Там не надо шить.

— Уже экономия. Пошли.

Илья хотел спросить про водителя фургона, про Андрея, про девочку в автобусе. Не спросил. Сел рядом с Денисом в чужую машину, пристегнулся и всё время до дома смотрел

на свои руки.

* * *

На повторные осмотры он приходил ещё дважды. Рассказывал ту же кухню, держал руки перед собой, ждал. Новых фрагментов не появлялось.

Через пять недель ему выдали окончательный экземпляр.

К тому времени появились отдельные окна для обследований, номера категорий и памятки о том, как сообщить об изменении состояния. На двери висела просьба не демонстрировать способности в коридоре. Под просьбой тянулась полоса свежей штукатурки.

Сотрудница нашла дело Игнатова, отсчитала два листа и подвинула их через стойку.

На первом стояла дата: восемнадцатое октября. На последнем — заключение. Устойчивого управляемого проявления не обнаружено. Категория: ноль.

— Здесь страницы один и четыре, — сказал Илья.

— Промежуточные данные вам не нужны. Это техническая часть.

— Врач говорила, сохранят всё.

— В деле сохранено. Следующий.

Он не отошёл. Сотрудница подняла голову.

Илья рассказал ещё раз про обрывок чужой памяти. Она слушала первые полминуты, потом посмотрела мимо него на очередь.

— На повторном осмотре ничего не воспроизвели?

— Нет.

— Тогда следуйте заключению. Если изменится — обратитесь.

Он мог потребовать все страницы. Мог остаться у окна, позвонить по номеру на стене. Но сзади стоял человек, у которого с руки капало на линолеум что-то белое и горячее, и рядом с ним Ильина невидимая кухня снова показалась нелепой.

Он забрал два листа.

На улице сложил их вчетверо, потом развернул: сгиб прошёл через его фамилию. Слово «ноль» осталось целым.

* * *

Нулевых оказалось много.

На работе это слово прижилось быстрее официальных названий. В него помещали всех, у кого ничего не получалось показать: людей без изменений, людей с непонятными изменениями, людей, которые не хотели показывать. В табеле у Ильи по-прежнему стояла должность техника. Надбавки не появилось.

Однажды на выезде заказчик спросил, есть ли в бригаде настоящий специалист, который умеет чинить без отключения.

— Есть, — сказала Ольга Седова. — Электрик на кладбище. Хоронят в четверг.

Заказчик обиделся. Отключение разрешил.

Илья возвращался в ремонтируемые здания и сначала

смотрел, куда оттуда выходить. Носил в наружном кармане деревянный клин. Иногда проверял пульс у себя на запястье без всякой причины. Про Андрея рассказал Денису, но однажды, поздно, когда оба устали, и Денис не понял, спрашивают ли у него совета. Больше Илья не начинал.

Мужчину под плитой теперь можно было узнать. Его звали Александр Вересов. Сначала это имя писали внизу роликов, затем оно исчезло под более коротким: Первый. Илья видел его в новостях у завалов, возле самолёта, у разорванной эстакады. Людей, которых выносили за его спиной, становилось больше. На плакатах их уже не было: там хватало одного лица.

В одном прямом эфире Вересов держал обломанный край эстакады над кабиной грузовика. Край понемногу опускался. Мужчина в кабине бил ладонью по стеклу; спасатель с резаком никак не мог подлезть к двери.

Оператор не выключил камеру. Эфир подхватили два крупных канала. На экране телефона у Дениса цифры зрителей менялись быстрее, чем он успевал их прочитать. Бетон остановился. Потом между кабиной и обломком появился просвет. Спасатель влез туда плечом.

— Кто ещё подошёл? — спросил Илья.

Денис вернул запись назад. В кадре по-прежнему был один Вересов.

Позже такие совпадения начали проверять: после громкого ролика одарённый мог больше, без зрителей и разговоров

прибавка постепенно уходила. Тело не становилось крепче, новые умения не появлялись. Уже существующий дар работал сильнее. По телевизору это назвали поддержкой общества. Илья запомнил, как долго человек в кабине ждал, пока о нём узнают достаточно людей.

* * *

В двадцать восьмом погиб Антон.

После похорон Илья вернулся на базу и долго искал в шкафу чистую рубашку, хотя она висела у него перед глазами. В кармане рабочей куртки лежала копия акта. Он мог бы оставить её на объекте. Не оставил.

Вечером положил к двум листам обследования.

Денис позвонил. Спросил, будет ли он завтра.

— Буду.

— Не обязательно.

— Я буду.

Наутро они поехали менять насос. Заказчик жаловался, что без воды нельзя нормально жить. Илья слушал, кивал и думал, что, если скажет хоть одно лишнее слово, его выгонят прямо сейчас.

Он ничего не сказал.

* * *

На вторую годовщину Чёрного солнца у станции поставили экран.

Показывали десять лиц, спасения, благодарности. Надпись «Пантеон» повторялась между роликами. До этого

Илья слышал её в разговорах и думал, что это журналисты придумали очередное громкое слово. Теперь рядом с ней были договоры с городскими службами, благотворительные сборы, отдельные номера для вызова помощи. Обычный диспетчер не мог послать на объект Первого так же, как бригаду с насосом.

У экрана стояла женщина с плакатом. На плакате — фотография сына и дата его смерти. Она пыталась объяснить что-то прохожим. Музыка заглушала её голос.

Илья задержался, затем подошёл ближе. Женщина протянула листовку. Он взял, выслушал и узнал только, что сын погиб во время одного из спасений. Она сама не знала подробностей: разные люди давали ей разные ответы.

— Мне сказали, это нельзя было предотвратить, — произнесла она. — Я не спорю. Пусть покажут, почему.

Илья сохранил листовку. Дома перечитал. Класть рядом с актом не стал.

* * *

К осени тридцатого он умел не смотреть на экраны.

Умел проходить через рамки, где сначала пропускали людей с другими карточками. Умел ждать, когда важный человек закончит говорить с камерой, чтобы спросить, кто перекрыл доступ к вентилю. Не научился только спать после выездов, на которых погибали люди. Иногда во сне лежал в автобусе Андрей; иногда сам Илья держал деревянную машинку и никак не мог приклеить колесо.

Ничего нового за эти годы он там не увидел.

Первого октября Ольга вызвала его к себе под конец смены.

— Завтра склад. Рано. Денис с тобой.

Илья взял лист с адресом. На полях стояла отметка об участии Опоры.

— Значит, без задержек не получится.

— Значит, смотри на железо, а не на фамилии, — сказала Ольга. — Путь наружу проверь сам.

Он сложил лист, убрал в карман и зашёл в бытовку за курткой.

Деревянный клин лежал там, где всегда.

Глава 6. Пока держит

2 октября 2030 года.

Илья добрался до складских ворот за пять минут до семи. Пожарная машина перекрыла въезд; пришлось протискиваться между бортом и оградой, цепляясь сумкой за прутья. Из-за машины было слышно, как скребёт металл.

Там стоял Денис. Одной ногой — на бетоне, другой — в кабине погрузчика. Под навесом над его головой медленно поворачивалась стальная рама. Левый конец вырвало из стены, правый ещё держался.

— Дэн! Назад!

— Подойди с той стороны. Колесо видишь?

Илья обошёл ленту. Охранник шагнул наперерез.

— В зону нельзя.

— Он электрик, — сказал Денис. — Или ты будешь?

Охранник посторонился. Илья присел у переднего колеса. Поперечина, упавшая с навеса, лежала поперёк шины. Протектор продавило почти до диска. С места погрузчик уже не мог сдвинуться.

— Зажало. Ногу убирай.

Денис отпустил тормоз, убедился, что машина стоит, и отступил. Отсюда, со стороны кабины, колеса действительно не было видно. Руки у него мелко тряслись.

— Когда ударило, покатился на рабочих. Думал, прижму

и поставят башмак. А потом все куда-то делись.

— Зажигание?

— Выключил. Ключ…

Ключ торчал в замке. Денис посмотрел на него.

— Вот он, сука, тот, кто за всё отвечает.

Илья вытащил ключ. Хотел привычно поддеть друга, но увидел кровь на его рукаве и промолчал. Под навесом пахло маслом и бетонной пылью. В первый день Чёрного солнца был другой запах — автобусная резина и сладкий крем из раздавленного торта. Тело почему-то помнило их одинаково.

Он заставил себя осмотреть двор. Не смотреть всё время наверх. Найти людей, найти выход.

Под навесом, за сетчатой перегородкой, сидели двое складских рабочих. Один прижимал к уху телефон, хотя экран был чёрным. Другой пытался стянуть с головы каску. Ремень зацепился за воротник, и человек дёргал его снова и снова, всё сильнее, не попадая пальцами в застёжку.

— Не трогайте голову, — сказал Илья. — Сейчас выйдем.

Собственный голос прозвучал уверенно. Это было неприятно: он ещё не знал, куда они выйдут.

За воротами стояла толпа. Кто-то снимал двор, подняв телефон над соседскими затылками. На крыше микроавтобуса поворачивалась камера. Вдоль стены шёл человек с наушником и показывал оператору раскрытую ладонь: медленнее.

На разгрузочной площадке стоял Олег Белов.

В новостях его называли Опорой. Илья видел это лицо на

стенде про замену лифтов: уверенная улыбка, светлая полоса поперёк тёмного комбинезона, обещание безопасной работы. Здесь Белов не улыбался. Смотрел на раму, широко расставив ноги, и тяжело дышал через открытый рот.

Сорванный конец навеса должен был рухнуть. Пока его удерживало противоположное крепление: правая стойка дрожала, бетон у её основания покрывался мелкими трещинами. Белов переводил нагрузку дальше, на связанную раму и стену склада. Илья не знал, как он это чувствует, но видел результат — там, где минуту назад расходился шов, бетон перестал крошиться. Начал в другом месте.

У ног Белова звякнул болт. Тот даже не опустил глаз.

— Сколько у вас здесь людей? — спросил Илья у Дениса.

— Наших двое. Я. Начальник смены где-то.

— Под навесом ещё кто?

Денис показал в глубину, за стеллажи.

— Пацан был. Новый, с ночной. Его вывели вроде.

— Вроде — это куда?

— Я отсюда, по-твоему, далеко видел?

Радиостанция у Ильи на плече хрустнула.

— Игнатов, приём.

— На месте, Ольга.

— Мне передали, у вас три человека в зоне.

— Я вижу троих, один из них Котов. По ещё одному уточняем.

— Фамилии.

— Сейчас.

Илья присел перед рабочими. Человек с телефоном назвался сразу: Сидоров Михаил. С каской пришлось помогать. Застёжка оказалась целой, просто руки у человека не слушались.

— Лёша, — сказал он. — Алексей. Я во вторую смену должен был. Меня попросили…

— Фамилия?

— Куликов.

— Хорошо, Алексей Куликов. Каску пока оставляем. Поднимешься?

Тот кивнул, но остался сидеть.

Илья передал фамилии. Ольга повторила каждую, попросила уточнить про парня с ночной и отключилась. Когда у неё начиналась настоящая работа, из голоса уходило всё лишнее, даже раздражение.

Телефон в руке Сидорова завибрировал. Рабочий посмотрел на экран, удивился и поднёс телефон к уху.

— Не могу сейчас, — сказал он. Помолчал. — Воды нигде не перекрывай. Я сам приду.

Илья встал и пошёл к электрическому щиту возле ворот.

На диспетчерском плане выход из приёмки обозначался зелёной стрелкой: прямо через боковой проём, дальше вдоль забора к сборной площадке. В действительности проём закрывала секционная дверь. Под ней лежала полоса чистого бетона. Дверь опустилась уже после того, как во дворе под-

нялась пыль.

Обычное совпадение. Здесь многое могло быть обычным совпадением: провод в оборванном коробе, погасшая лампа, перекошенная направляющая. Нужно было проверить.

Щит не запирался. За дверцей гудел блок питания, горел зелёный индикатор. Привод не обесточили — ему не давали команды открыться.

Илья нажал кнопку. Внутри щёлкнуло. Ничего не произошло.

Он приложил ухо к корпусу. Ещё раз нажал. Реле отрабатывало слишком быстро, обрывая попытку запуска.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.